

Н.А. Дроздов
Независимый исследователь

«ЮНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1830-Х ГГ.

1

Когда речь заходит о рецепции французской литературы в России в 1830-х гг., исследователь неизбежно сталкивается с двумя определениями — «неистовая словесность» и «юная словесность». Первое стало научным термином, хотя и мало использовалось в 1830-е гг., тогда как второе, наоборот, вошло в литературный обиход того десятилетия, но не прижилось в обиходе литературоведческом¹. Широко употреблялось словосочетание «юная словесность» стало в 1834 г. в газете «Северная пчела» и журнале «Библиотека для чтения». В этом же году оно появилось у А.С. Пушкина — в планах к статье «О ничтожестве литературы русской». Его же, в несколько другом виде — «Юная Франция», использовал и М.Ю. Лермонтов, сначала в «Княгине Лиговской» (1836), а затем и в «Герое нашего времени» (1839–1840).

Появлением эпитета «юная» русская критика обязана самой Франции: 30 августа 1831 г. в газете «Le Figaro» французский литератор Леон Гозлан опубликовал статью, которая называлась «Les jeunes Frances», т. е., как их предложила называть

¹ См.: Дроздов Н.А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 15–26 (электронная версия на сайте ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10589>).

В.А. Мильчина, «юнофранцузы»². Гозлан писал в начале статьи: «Юнофранцуз родился в тот день, когда живопись заключила союз с романтической литературой. Поэт сказал художнику: “Вы рисуете, но не умеете говорить. Возьмите мою болтовню, громите! Вот мое перо”. Художник ответил поэту: “Вы пишете, но не умеете рисовать. Возьмите мою бороду, и к тому же выбирайте: бородка монашеская, бородка капуцинская, бородка козлиная, бородка средневековая, бородка млекопитающего и четвероногого”. И с этих дней художники научились писать, а у писателей появилась бородка. Вот почему есть журнал, который называется “Л’Артист” и редактируется художниками; вот почему господин Бальзак — это *юнофранцуз*»³. Следующие заметки назывались «Дамы юной Франции» и «Пиршество юной Франции»⁴ и были выдержаны в том же ироническом духе. Через два года вышла книга Теофиля Готье под тем же названием, что и первая из статей Гозлана, «Les jeunes Frances», с подзаголовком «Romans goguenards», то есть «насмешливые, ернические романы». Эта книга, представляющая собой сборник повестей, также высмеивала типичные ультраромантические сюжеты и мотивы. Таким образом, отношение к новой группе литераторов во Франции было изначально достаточно легким и ироничным, причем не снаружи, а изнутри. Уже одно из первых произведений «неистойвой словесности», «Мертвый осел и гильотинированная женщина» Жюль Жанена («L’âne mort et la femme guillotinée», 1829), несмотря на всю серьезность содержания, обладало сильнейшим ироническим потенциалом, разрушавшим впечатление от трагического сюжета⁵.

² Мильчина В.А. «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова: Коллективная монография / Под ред. М.Н. Виротайнен и А.А. Карпова. СПб., 2015. С. 562–564.

³ Figaro. 1831. № 242. 30 août (пер. наш. — Н. Д.).

⁴ Les dames Jeunes Frances // Figaro. 1831. № 246. 3 septembre; Le festin des Jeunes Frances // Le Figaro. 1831. № 253. 10 septembre.

⁵ См.: Алавердов Ю.В. Романтический стиль в кривом зеркале пародии (Жюль Жанен. «Мертвый осел и гильотинированная женщина») // Стилистические проблемы французской литературы: Сб. науч. ст. Л., 1975. С. 16–26.

Отношение к этому явлению в России оказалось гораздо более серьезным, чем в самой Франции. Если словосочетание «неистовая словесность» появилось уже в 1832 г., то «юная словесность» вошла в сознание современников только в конце 1833 г. Это словосочетание ввел в литературный обиход О.И. Сенковский, с 1834 г. редактор журнала «Библиотека для чтения», который на долгое время стал главным центром борьбы с «юной словесностью». Достаточно нескольких высказываний Сенковского, чтобы охарактеризовать его отношение к этому явлению: в первом же томе «Библиотеки для чтения» публикация повести «Перст Божий» предварялась следующим комментарием относительно ее автора: «Мишель Ремон, Michel Raymond, составляет одно из знаменитейших литературных имен так называемой Юной Франции. Название это вымышлено: оно заменяет имена трех молодых писателей, Брюгер, Гозлан и Массон, которые сочиняют вместе и издают свои сочинения под эту фирму. Успех романа их "Les Intimes" и повестей "Les contes de l'atelier" приобрел ей лестную известность, по крайней мере между обожателями господствующей ныне во Франции новой литературной школы, которая впрочем совсем не новая»⁶. Уже этот комментарий отчетливо демонстрирует, что «юная словесность» считалась в 1830-е гг. школой⁷. Следующей значимой вехой стала переводная статья под названием «Мнение известного английского журнала "Edinburgh Review"

⁶ Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 2. С. 1.

⁷ Здесь стоит отметить, что такой взгляд на «неистовую / юную словесность» был свойствен не только современной критике, но и в какой-то мере русскому литературоведению: авторитетные исследователи считали возможным говорить о «неистовой школе» (Томашевский Б.В. Французская литература в письмах Пушкина к Е.М. Хитрово // Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. М., 1960. С. 370; Обломиевский Д.Д. Французский романтизм: Очерки. М., 1947. С. 161, 163; Вольперт Л.И. Французская литература // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 599–600) или «школе Гюго и Жанена» (Шор В.Е. Гонкуры и «неистовая словесность» // Ученые записки ЛГУ. 1941. Вып. 8, № 64. С. 181; Томашевский Б.В. 1) Три рисунка Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. С. 428; 2) Французская литература в письмах Пушкина к Е.М. Хитрово. С. 386, 402).

о нынешней французской словесности»⁸. В ней «гражданином “Юной Франции”» назван Анатолий, герой романа Жанена «Исповедь» («La confession, par l’auteur de L’âne mort et la femme guillotinée», 1830), который был опубликован еще до появления самого словосочетания. При этом, конечно же, сам Жанен был в центре происходящих событий и даже напечатал статью «Манифест юной литературы» («Manifeste de la jeune littérature», 1834)⁹, отстаивая право молодых писателей творить в соответствии со своими желаниями и предпочтениями. При этом одним из «юнофранцузов» он никогда не был, и даже Сенковский в «Библиотеке для чтения» отмечал однажды, что «Жанен, так жарко восставший для защиты “юной словесности”, опять принялся над нею подшучивать»¹⁰. Апогеем этой неистовой и яростной борьбы стала статья «Брамбеус и юная словесность», в которой Сенковский писал: «“Юная словесность”, совершенно отторгнувшаяся от логических начал чистого романтизма, не есть литературная школа (тут можно было бы вздохнуть с облегчением — но нет, читаем дальше) — это прямо вторая Французская революция в священной ограде нравственности, затеянная со всею легкомысленностью и производимая со всею неистовством и остервенением, свойственным народу, который произвел и обожал Марата, Робеспьера, Сен-Жюста; и чернильные тюрьмы, и казни, эшафоты, — и это безверие, скептицизм, ужас и бесстыдство в драме, романе и повести, — и эти кровь и буйства на страницах легкого и приятного чтения происходят от того же умственного недуга, который за сорок лет перед тем усеял Францию политическими развалинами и трупами»¹¹.

Такая картина предстает перед глазами каждого, кто открывает журналы середины 1834 г. Наиболее примечательно то, что используется очень однообразная лексика: «юная сло-

⁸ Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 2. С. 52–78; см. оригинал: The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1833. Vol. 57. № 116. July. P. 330–357.

⁹ Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41, № 3. С. 263–284; см. оригинал: Revue de Paris. 1834. Т. 1. P. 5–30.

¹⁰ Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 7. С. 81.

¹¹ Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд 1. С. 39.

весность», «новая школа» — все это мелькает в каждом номере каждого журнала 1830-х гг. Вводится мотив обновления, новизны, юности, как будто старая литература так давит на современную, что хочется как можно скорее создать или хотя бы заявить о существовании «новой», «юной» словесности. Впрочем, такой подход не был специфичным для 1830-х гг.: за десять лет до этого в разгаре были споры вокруг романтизма, который понимался как «не-классицизм» и ассоциировался с «новой школой», например, в предисловии П.А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина и возражениях на него М.А. Дмитриева. Тридцатые годы XIX века в русской критике как бы повторяют уже пройденный этап, что можно проиллюстрировать одним из заявлений Сенковского: «Новая школа, или, как она сама себя величает, “юная словесность”, <...> только стремилась и стремится поступать во всем наперекор классицизму»¹². Значительным отличием было то, что Сенковский писал не только о существовании «новой школы», но о ее угасании и скорой смерти, и в этих случаях он был особенно эмоционален и убедителен: «Г. Гозлан, говорят, пишет статью о самобытной оригинальности “юной Франции”, которая, спрятавшись за углом улицы, штукатурит румянами свои преждевременные морщины. Скоро ж истощила она свою молодость!»¹³, «французская школа уже потеряла свой огонь и преждевременно клонится к старости»¹⁴. Во второй половине 1834 г. Сенковский несколько раз заявил, что «“юная словесность” кончилась»¹⁵. Того же мнения придерживался и С.П. Шевырев, размышляя в общем о старости Европы: он писал, что современная словесность разделилась на две категории: мудрая, практическая литература и литература «юная», напрасно так называемая, «потому что она носит на себе все признаки ветхости разочарованной»¹⁶.

¹² Там же. С. 38–39.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 7. С. 83.

¹⁵ Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. Отд. 7. С. 124. См. также: Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. Отд. 7. С. 3; Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. Отд. 7. С. 64.

¹⁶ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. № 1. С. 15.

Кого же причисляют к «юной словесности» в 1830-е гг.? Ответ можно снова найти у Сенковского: в одном месте он пишет о фигурах «Виктора Гюго, Жанена, Сю, Дюма, Дюканжа, Вильи, Бальзака, Сулье и дюжины других производителей “юной словесности”»¹⁷, в другом: «Беда, если издатели попадут на второстепенных романтиков, на теперешних французских писателей, на Массона, или Мишель-Ремона, на Друино, на Лакруа-Библиофила, на Ансело, на Альбитта, на Гозлана и других, подобных им повестчиков, у которых все дело — в ужасе, в бессмысленном скептицизме, в неестественности завязки, невероятности чувств и положений; у которых собраны все крайности и нет ничего человеческого»¹⁸. Конечно, не было однозначного причисления всех французских писателей к «юным», так, например, в «Северной пчеле» отмечалось: «Некоторые из юных словесников выбрали новый путь и нейдут по колее Бальзака и Сю»¹⁹. Даже сам Сенковский, что удивительно, обратил внимание на эволюцию французской прозы: «Сравните первые творения Бальзака или Жанена с “Деревенским доктором”, с “La recherche de l’absolu” и с новейшими разборами драм и романов, подписанными известною фирмою — J.J. (Жюль Жанен. — Н. Д.) Какая противоположность в нравственных и литературных правилах! Совсем другие люди! Это уже не юная словесность. Итак, вечный покой юной словесности! Она уже бреет себе бороду и начинает помышлять о детках. Полно шалить: своей жене и своему потомству нужны другие правила, хорошие примеры»²⁰. Но все-таки тенденция прослеживается достаточно отчетливо: большинство французских писателей называются «юными» в силу либо их амплуа, отношения к ним, либо уже сложившейся традиции.

¹⁷ Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд. 1. С. 47.

¹⁸ Библиотека для чтения. 1835. Т. 10. Отд. 6. С. 33.

¹⁹ Северная пчела. 1834. № 161. 19 июля.

²⁰ Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. Отд. 7. С. 67.

Переводят многих «юнофранцузов». В журнале «Сын отечества и Северный архив» от 1833 г. можно найти характерное высказывание: «Посмотрите, как мы, граждане XIX столетия, люди, как известно, важные и просвещенные, любим сказки и повести. Никогда, с тех пор как Гуттенбергу вздумалось скрепить несколько литер, намазать их чернилами и оттиснуть на пергамене, никогда с тех самых пор не выходило столько сказок и повестей, как ныне, особенно во Франции. Сочтите, если сможете, сколько напечатано их в журналах, сколько заключается их в пяти томах Бальзака, в его “Contes drolatiques”, в четырех томах “Фантастических сказок” Жанена, в трех томах “Le lit de camp”, в двух томах “Даниила гранильщика”, в двух томах “Бурых сказок” (“Contes bruns”); в трех томах “Salmigondis”, сказок всех цветов и проч. и проч., всего не упомнишь»²¹. Действительно, доля произведений малого и среднего прозаического жанра, появившихся в журналах, была довольно значительна. Это неоднократно отмечалось современной критикой, и далеко не всегда с одобрением. А.Ф. Воейков, например, писал по поводу «Московского телеграфа»: «Г. Полевой был издатель вредного по многим отношениям для отечественной нашей литературы журнала. Нельзя исчислить зла, которое он ей сделал своими ни на каких литературных законах не основанными книжными разборами, переводами из юной французской словесности таких статей, которых перелагать бы на русский язык не следовало»²². Вторая цитата Воейкова метит в Н.И. Надеждина и журнал «Телескоп»: «Не менее прискорбно видеть, что в журнале, издаваемом бывшим профессором старейшего русского университета <...> беспрестанно печатают произведения юной французской словесности, да еще и похваляются этим. Возьмем на пр. бальзакову повесть “Девушка с золотыми

²¹ Сын отечества и Северный архив. 1833. Т. 35, № 16. С. 114.

²² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. Ч. 21. № 15. 19 февраля. С. 119.

глазами". Чего нет тут? И развращенный вольнодумец-аббат, и мать, продавшая дочь свою на посрамление, и убийство самое холоднокровное, расчетистое, и кровосмешение, дыбом волосы поднимающее»²³.

Очевидно, что та литература, против которой так яростно боролись Сенковский и Воейков, вызвала огромный читательский интерес. Знакомство с современными французскими авторами не ограничивалось журнальными публикациями, однако произведения малого и среднего жанра постепенно начинали отвоевывать пространство у большого жанра — романа. В связи с этим появились переводы сборников повестей, принадлежавших нескольким авторам: в 1834 г. — «Современные повести модных писателей» в переводе Ф.А. Кони, в 1835 г. — «Рассказы и повести, переведенные Н. Шигаевым», а также «Новейшие повести и рассказы. Сочинения Евгения-Сю, Бальзака и Ожера», в 1836 г. — знаменитые «Темные рассказы опрокинутой головы» («Contes bruns. Par une tête à l'envers», 1832), в которых принял участие Бальзак, и 12-томный сборник «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей». Даже «толстые» переводные книжки, как, например, «Даниил гранильщик, или Повести мастерового» («Daniel le Lapidaire, ou les Contes de l'Atelier, par Michel Raymond», 1832) Мишеля Массона или «Повести Библиофила Жакоба, извлеченные из истории Франции» («Contes du Bibliophile Jacob à ses petits enfans», 1831) Поля Лакруа, состояли из нескольких отдельных повестей. Кони, например, в предисловии к своему сборнику писал: «Вся нынешняя изящная словесность Франции выразилась в повестях и рассказах». Там же он подчеркивал, что его основной целью «было доставить русской публике чтение приятное и вместе с тем не требующее постоянного и продолжительного внимания», а также говорил о «легких родах рассказа и повести»²⁴. Здесь можно вспомнить и статью французского критика Дезире Ни-

²³ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1836. Ч. 22. № 83. 14 октября. С. 663.

²⁴ Современные повести модных писателей. Собраны, переведены и изда ны Федором Кони. М., 1834. Ч. 1. С. I–II.

зара, который в статье «О начале упадка легкой литературы» («D'un commencement de réaction contre la littérature facile», 1833) осуждал подобную художественную продукцию²⁵. А Кони впоследствии в таком подходе упрекал и Белинский²⁶.

Смена переводческого курса особенно заметна на фоне первой четверти XIX в., когда основной массив переводной литературы (не только французской, но и английской) составляли сентиментальные и готические романы. Такие французские авторы, как Стефани-Фелисите Жанлис, Франсуа Гийом Дюкре-Дюминиль, виконт Виктор д'Арленкур, были широко известны не только в столицах, но и в провинции. К 1830-м гг. эта литература себя практически полностью изжила, и альтернативой ей стал роман исторический, мода на который пришла из Англии, от Вальтера Скотта. Большая часть его романов переводилась не с оригинала, а с французских изданий, которые продолжали играть роль посредников между Англией и Россией. Сама Франция в конце 1820-х — начале 1830-х гг. скорее следовала за Скоттом, чем создавала что-то оригинальное. Так, уже в 1829 г. в России появляется перевод романа Альфреда де Виньи «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII» («Cinq-Mars ou Une conjuration sous Louis XIII», 1826), в 1831 г. — сразу два перевода романа Анри Гийома Филиппа Мока «Le bataille de Navarin, ou le rénégat» (1828): «Наваринская битва, или Ренегат» (перевод О.М. Сомова) и «Битва при Наварине, или Отступник» (переводчик неизвестен), а в 1833 и 1834 гг. — также два перевода романа Сентина (Жозеф-Ксавье Бонифас) под одинаковым названием — «Изувеченный» («Le Mutilé», 1832). Эти исторические или околосторические романы, впрочем, не сыграли в истории переводной литературы такой же значительной роли, как «юная словесность», вероятнее всего потому, что они полностью соответствовали читательскому горизонту ожидания, не ломая предшествующую традицию.

²⁵ Сын отечества и Северный архив. 1834. Т. 41. № 3. С. 172–192; Телескоп. 1834. Ч. 19. № 5. С. 281–307; см. оригинал: Revue de Paris. 1833. Т. 57. P. 211–228, 261–287. В обоих журналах была переведена только первая часть статьи.

²⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 170–171.

Ощущение появления какого-то принципиально нового пласта текстов приходится на вторую половину 1820-х — начало 1830-х гг. Связано это было, конечно же, с именем Виктора Гюго. В 1830 г. выходят переводы сразу двух его произведений: драмы «Эрнани», под названием «Гернани, или Кастильская честь» («Hernani», 1830), и романа «Последний день приговоренного к смерти» («Le dernier jour d'un condamné», 1829). В следующем году появляется имя Жанена: публикуется перевод его романа под названием «Мертвый осел и обезглавленная женщина», еще через год на российские книжные полки выходят Бальзак с пятитомником «Сцены из частной жизни» («Scènes de la vie privée», 1830) и Эжен Сю с переводом «Плик и Плок» («Plik et Plok», 1830), а в 1833 г. появляется перевод «Индианы» («Indiana», 1832) Жорж Санд. Это тот фундамент, который до сих пор остается в читательском сознании, та база, которая и создала такое понятие, как «юная словесность». Помимо этих авторов издавались и многие другие — Лакруа (Библиофил Жакоб), Гозлан, Массон, Дельфина де Жирарден, Эжени Фоа и др. Романами, переводившимся на протяжении 1830-х гг., свойственно следование традиции первой четверти XIX в.: если в оригинале было предисловие, то оно исключается, и читатель видит только текст самого произведения. Так издан «Мертвый осел» Жанена, «Ган Исландец» («Han d'Islande», 1823) Гюго, «Индиана» Жорж Санд, «Изувеченный» Сентина (в обоих случаях), романы Софии Ге (которые очень хвалил Сенковский). В отличие от них «Плик и Плок», «Сцены из частной жизни», то есть сборники повестей, значительно чаще сопровождаются переведенным или написанным переводчиком предисловием. Один из самых ярких примеров — сборник «Фантазии Жюль-Жанена». Половину единственной переведенной части (из обещанных четырех) составляет «Предисловие». Таким образом, повесть начинает управлять литературным рынком, и переводчики следуют этому курсу.

Исключения, конечно, есть. Примеры романских предисловий всегда очень яркие и необычные, например драматическая сцена, предваряющая «Последний день приговорен-

ного к смерти» Гюго. Также нельзя обойти вниманием «Созерцательную жизнь Людвига Ламберта» («Louis Lambert», 1832) Бальзака, переведенную А.В. Зражевской. В своем эмоциональном предисловии к этому произведению она очень точно определяла специфику французской «юной словесности»: «...то ли дело в романе, шутя разанатомируем всего человека, до ниточки, до последнего суставчика. Обыкновенный романтизм прискучил, пора, давно пора приняться за новое! — Не выдумать вам *страсти* страшнее Гюговой, не высказать вам сладкого слаще Марлинского, злого злее Брамбеуса, нежного нежнее Жуковского, милого милее Пушкина и Козлова, — пора, пора за новое!»²⁷ Таким образом, «юная» французская литература все-таки провоцировала поиск новых художественных средств, и ее переводы на русский язык сыграли в этом процессе не последнюю роль.

²⁷ Созерцательная жизнь Людвига Ламберта. Соч. Бальзака / Перевод с французского Александры Зражевской. СПб., 1835. С. VII.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

Эткиндовские ЧТЕНИЯ VIII, IX

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ТАМ, ВНУТРИ» 2015 Г.
«СВОЕ ЧУЖОЕ СЛОВО» 2017 Г.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

Эткиндовские ЧТЕНИЯ VIII, IX

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ТАМ, ВНУТРИ» 2015 г.
«СВОЕ ЧУЖДЕ СЛОВО» 2017 г.

Москва
Центр книги
Рудомино
2017

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Э 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России» (2012–2018 годы)

Составители — В.Е. Багно, М.Е. Эткинд
Секретарь — С.А. Степина
Ответственный редактор — М.Э. Маликова

Э89 Эткиндовские чтения VIII, IX: по материалам конференций «Там, внутри»
2015 г., «Свое чужое слово» 2017 г.; [сост. В.Е. Багно, М.Е. Эткинд; предисл.
В.Е. Багно]. — М.: Центр книги Рудомино, 2017. — 400 с.: ил.

ISBN 978-5-00087-142-3

Первые Чтения памяти замечательного филолога и переводчика
Е.Г. Эткинда (1918–1999) состоялись в 2000 году в Европейском универ-
ситете Санкт-Петербурга. По материалам трех первых Чтений (2000, 2002,
2004) были выпущены два сборника, затем издание прервалось. Насто-
ящий сборник возобновляет традицию; в него вошли материалы двух
конференций: «Там, внутри» (2015) и «Свое чужое слово» (2017).

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00087-142-3

© В.Е. Багно, М.Е. Эткинд, составление, 2017
© В.Е. Багно, предисловие, 2017
© ООО «Центр книги Рудомино»,
издание на русском языке, оформление, 2017
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2017
© АНО «Институт перевода», 2017

Памяти Полины Лазаревны Вахтиной

Содержание

<i>Багно В.Е.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	9
<i>Кац Б.А.</i> ПОЛИНА ВАХТИНА И ЭТКИНДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ	11
<i>Нива Ж.</i> ПОЛИНА ВАХТИНА	13
<i>Яснов М.Д.</i> О ПОЛИНЕ ВАХТИНОЙ	16
ПОЛИНА ЛАЗАРЕВНА ВАХТИНА. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ 1995–2013 гг. <i>Составление А.Я. Лapidус</i>	19
<i>Зворыкина Е.Ф.</i> СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА. Публикация и вступительная статья М.Е. Эткинд. Примечания П.Л. Вахтиной	36
<i>Вахтина П.Л., Эткинд М.Е.</i> К ПЕРЕДАЧЕ АРХИВА Е.Г. ЭТКИНДА В ПУШКИНСКИЙ ДОМ	120
<i>Маликова М.Э.</i> АРХИВ Е.Г. ЭТКИНДА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА	124
ПРИЛОЖЕНИЕ. ОТВЕТЫ И.М. ДЬЯКОНОВА, Д.С. ЛИХАЧЕВА И Е.Г. ЭТКИНДА НА «АНКЕТУ ПЕРВОЧИТАТЕЛЯ» РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО» ..	130
<i>Мильчина В.А.</i> «ФИЗИОЛОГИЯ БРАКА»: СОЕДИНЕНИЕ СВОЕГО И ЧУЖОГО «БЕЗ ШВОВ» (БАЛЬЗАК И ЛЕМОНТЕ) ..	139
<i>Дроздов Н.А.</i> «ЮНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ 1830-х гг.	152

<i>Паперный В.М.</i> ЛЕВ ТОЛСТОЙ НА ВЕЛОСИПЕДЕ (ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЦЕНКИ ПОЗДНЕГО ТОЛСТОГО. ТОЛСТОЙ И ЧЕХОВ)	163
<i>Багно В.Е.</i> «МОЖЕТ БЫТЬ, ТУТ ИМЕННО ТОТ МОСТ...» (ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК)	185
<i>Лекманов О.А.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА «АНДРЕЙ РУБЛЕВ» КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА	200
<i>Панова Л.Г.</i> ДИСКУРС «ВЕЩЕЛЮБИЯ» В СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ: ЗАМЕТКИ О КУЗМИНЕ, АХМАТОВОЙ И МАНДЕЛЬШТАМЕ	212
<i>Арьев А.Ю.</i> О СООТВЕТСТВИЯХ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ НЕПЕРЕВОДИМОГО	265
<i>Азадовский К.М.</i> РУССКИЕ РИЛЬКЕАНЦЫ: ЛЕВ И ГЛЕБ СТРУВЕ	279
<i>Аствацатурова В.В.</i> «ЧУЖОЙ ГОЛОС» И ЕГО ФУНКЦИЯ В ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА МАКОВСКОГО «ВО ВЕСЬ ГОЛОС» (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ОДНОЙ СКРЫТОЙ ЛЕРМОНТОВСКОЙ ИНТОНАЦИЕЙ)	298
<i>Жолковский А.К.</i> УРОКИ ЧТЕНИЯ	310
РЕЦЕНЗИИ Е.Г. ЭТКИНДА И В.Е. ШОРА НА ПЕРЕВОД ЭЛ. ЛИНЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОГО ТРАКТАТА Н. БУАЛО «ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО» <i>Публикация и вступительная статья А.В. Волкова</i>	356